

Карен КОНСТАНТИН Багдасарян

18+

М. И. Р.

сборник миниатюр и рассказов

14
45

18+

Карен КОНСТАНТИН Багдасарян

**М.И.Р. - сборник
миниатюр и рассказов**

«Автор»

2026

Багдасарян К. О.

М.И.Р. - сборник миниатюр и рассказов / К. О. Багдасарян —
«Автор», 2026

Сегодня Аннотация "М. И. Р." — это ключ к дверям, которые мы обычно не замечаем. В этом сборнике миниатюр и рассказов автор исследует тонкие грани человеческого восприятия. Здесь тишина говорит громче слов, а мимолетные впечатления складываются в мозаику смыслов. Каждая история — это отдельная Вселенная, где переплетаются память, иллюзия и реальность. Откройте книгу, чтобы ответить на вопрос: что скрывается за этими тремя буквами?

© Багдасарян К. О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

М.И.Р. - сборник миниатюр и рассказов

Глава

Кирпич

Жил-был кирпич. Все вокруг по-дружески хлопали его по плечу и удивлялись его твердости. Когда кирпич шел по улице, все ему кланялись и тянули руку, а тот как возьмет да и упадет на кого-нибудь, заметив в чужих глазах неодобрение или укор. Это же потом костей не соберешь. С кирпичом дружить хотели все. По правде сказать, если уж совсем искренне, кирпич был еще и красного цвета. Цельный, без сквозных отверстий, какие имелись у его современных коллег.

Но несмотря на внешние характеристики, кирпич был немного другого толка. Он был очень чувственным, очень нежным. Он даже писал стихи и смотрел аниме. Без слез не мог смотреть «Хатико» и «Титаник». А еще кирпич был очень одиноким. В их маленьком городке жили в основном белые кирпичи и шлакоблоки, молодая семья пеноблоков, семья ветеранов труда — саманных. Из красных в городе были он да его двоюродная сестра, с которой он не виделся уже пару десятков лет. Конечно, кирпич мог уехать и найти свою любовь в другом месте, но он настолько погряз в своих обязанностях и социальных взаимоотношениях, что это представлялось совсем невозможным. Поэтому кирпичу только и оставалось скрывать свою истинную сущность и носить чужую личину.

Но вот совсем недавно кирпич в гостях у друзей встретил незнакомку красного, как и он, цвета. Раньше кирпич всегда уходил домой с мыслями о том, что друзья — это главный источник его боли. Он, видя их, полных любви к своим вторым половинкам, завидовал и чувствовал себя еще более одиноким. Но сегодня они перешли все возможные границы. Оказалось, что одна из его белых подруг специально перекрасилась, чтобы пошутить над ним, пранкануть. С уважением, по-доброму. Но кирпич шутку не оценил. Его кремниевое сердце пронзила ядовитая стрела. И хотя он и не подал виду, но ему до отчаяния захотелось зарыдать и забиться в истерику.

Кирпич резко выбежал на улицу и устремился к ближайшей реке. Он уже принял последнее в жизни решение. Тяжело опускаясь на дно, он поймал себя на последней в жизни мысли: «Одиночество, прощай!»

Где Макс?

— Настя, Макс, я дома!

Алексей после тяжелого рабочего дня, как обычно, забежав за покупками, пришел домой почти без сил, но в прекрасном настроении.

Из кухни с белым полотенцем в руках вышла Настя, его жена, и со словами «Привет, дорогой» забрала пакет из магазина, чтобы ее суженому ничего не мешало разуться. Сняв левый ботинок, Алексей бросил взгляд на обувную полку.

— Макс к Кириллу пошел? Смотрю, нет его кед.

— Кто пошел? — спросила Настя, изучая покупки.

— Макс, говорю, к Кириллу пошел? — повторил Алексей, окончательно разувшись и расстегивая куртку.

— Какой Макс? — не поняла Настя.

— Ты чего, шутишь, что ли? — улыбнулся Алексей. — Договорились папку разыграть?

— Дорогой, о чем ты вообще?

Алексей взглянул в ее серьезное непонимающее лицо и кинул взгляд на фото на кухне, которое было видно из прихожей. На фото должен был быть изображен он сам, запускающий

воздушного змея с Максом, его сыном. Но сейчас там не было сына — только он, в свадебной тройке, обнимающийся со своим свидетелем Мишкой.

— Ты что, поменяла фото на кухне? — спросил Алексей у Насти.

Настя нахмурилась:

— Да что с тобой, Леш? Эта фотка висит там чуть ли не со дня нашей свадьбы. Ты сам запретил ее трогать.

Алексею стало не по себе. Оттолкнув Настю, он вбежал в гостиную. На стенах, где раньше висели его, Насти и Макса фото, теперь находились совсем другие. Портреты Насти, его самого, их совместные фото, но ни одного с Максом.

— Настя! — закричал он не своим голосом.

Испуганная жена подбежала к нему.

— Где Макс? — заорал Алексей.

— Милый, — тоненько, испуганно отозвалась Настя, — кто такой Макс?

— Наш сын, где он? — заорал Алексей еще сильнее.

Внутри него росло необъяснимое, доселе неведомое чувство — смесь неконтролируемой агрессии и страха, который занозой впивался в его, такое мощное, сердце.

— Но, дорогой, у нас нет детей: ни сына, ни дочки...

Алексей достал телефон и принялся искать контакт Макса. Но в телефоне не было ни его номера, ни его снимков. Тогда Алексей стал пролистывать список в поисках друзей и учителей Макса. Но их тоже не оказалось. Ни одного родительского чата, ни одной переписки.

— Да что же это такое? — В ужасе Алексей бросил телефон в стенку с такой силой, что тот треснул пополам и развалился.

— Леша, ты чего? — завопила Настя.

— Дай свой телефон!

Настя, вся трясаясь от страха, вынула из кармана телефон и протянула Алексею. Снова ни одного контакта, ни одного чата, ни одной фотографии.

— Ладно, ладно! — закричал Алексей. — Позвоню маме!

Клавдия Константиновна, мать Алексея, страшно удивилась, но подтвердила, что у нее нет внука по имени Макс. После чего сердечно поинтересовалась, здоров ли ее сын, а также добавила, что, вообще-то, она очень хотела бы внуков, о чем постоянно ему и твердит. Алевтина Петровна, мать Насти, посоветовала Алексею обратиться в психушку и в сотый раз попросила передать Насте, что она выбрала не того.

Алексей не знал, что и думать. Ни в шкафах, которые он в панике обыскивал, ни в старом буфете не оказалось ничего такого, что могло хотя бы мельком намекнуть, что у него был сын. Алексей сел на диван и закрыл лицо руками. Настя, которая с выражением ужаса молча стояла, пока ее муж метался по дому, подошла к нему, тихо опустилась рядом и положила руку ему на плечо. Алексей поднял на нее глаза, полные слез.

— Настенька, Настя, у нас правда нет детей?

— Да, дорогой.

— Тогда с чего я взял, что у меня был сын? Я помню его, тринадцать лет я был рядом. Я помогал ему делать уроки, играл с ним, любил его...

— Дорогой, видимо, ты просто устал. — Настя поглаживала его по голове. — Все хорошо, родной.

— Нет, Насть, не хорошо. У меня есть последний аргумент. Я помню номер сына наизусть.

Алексей набрал номер Макса, но в трубке прозвучал незнакомый голос, который с гордостью сообщил, что он владеет этим номером уже более десяти лет.

Телефон выпал из обессиленных рук Алексея. Он повернулся к Насте и, обняв ее, завыл в голос.

— Не плачь, дорогой, не плачь. Ты на работе переутомился. Хочешь, запишу тебя к Ане? Ну помнишь, моя подруга, психолог?

— Ты думаешь, я болен? — сквозь рыдания услышала Настя.

— Нет, дорогой, я не думаю, что ты болен. Я думаю другое. Я думаю, Леш, что ты чертов изменщик. Я видела тебя с Олей из бухгалтерии. Можешь не отнекиваться. Макс сейчас у Кирилла, я разыграла этот фарс. Разыграла, слышишь? Я спрятала все его вещи, удалила всю информацию из телефонов, поговорила с твоими и своими родителями. Телефон Макса на данный момент у моего знакомого Антона, который тебя обманул.

Леша стоял, в шоке округлив глаза. Он открыл было рот, но Настя подняла руку:

— Нет, дорогой, я договарю. Я сменила фотографии, специально ходила их печатать, я даже учительницу Макса подговорила на случай, если бы ты ей позвонил. Я даже по интернету, пока тебя не было, курсы актерского мастерства брала, чтобы у тебя не возникло ни капли сомнения...

— Но зачем? — промямлил ошарашенный Алексей.

— А затем, дорогой, что больно делать себе я не позволю никому. А теперь собирай свои вещи и проваливай ко всем чертям. Обещаю тебе, я буду с тобой судиться. Ты больше никогда не увидишь Макса. Козел!

Оля и Кирилл

Оля смотрела на Кирилла затуманенным, полным обожания взглядом. От нее так не прикрыто веяло любовью, что, окажись рядом с ней человек с аллергией на это чувство, он тут же покрылся бы максимально крупной сыпью и начал задыхаться как рыба, которую выбросило на жгучий песок дикого пляжа. Если бы любовь обретала вес прямо пропорциональный ее объему, то любовь Оли перевесила бы на огромных весах легендарный «Титаник» со всеми его пассажирами. Кирилл и Оля встречались уже полгода. За это время искра любви в груди Оли разрослась в такое сильное пламя, что в нем без особого труда сгорело бы заживо целое поколение разноцветных звезд. Да чего греха таить, одним поколением эти звезды уж точно бы не обошлись. Они бы выстроились в ряд, повторяя поведение планет с их пресловутым парадом. С одной только целью — сгореть.

Кирилл взглянул на Олю. В его взгляде угадывалась какая-то недосказанность, которая плавным ручейком перетекала в его уста. Так материнское молоко, родившись в недрах кормящей груди, перетекает в уста ребенка, так забота и ласка перетекают в поступки, сравнимые с касаниями мириад ангелов. Оля уже видела призрак слов, рождающихся на устах Кирилла, и гадала, какие эмоции они ей принесут. Вознесут ли эти слова ее трепетную душу на высочайшие этажи мироздания, наполнят ли ее сладкой истомой, породят ли негу внеземного характера или же низвергнут в пучину Тартара, где циклопы и атланты ждут дня красной мести? Или же слова эти оставят ее на поверхности планеты, лишь слегка всколыхнув прическу, которую она специально укладывала почти целую вечность, чтобы любимый видел ее, как всегда, ухоженной и неотразимой.

— Мы должны расстаться, — тихо произнес Кирилл. — Только, пожалуйста, без сцен...

Что это? Почему же глазам Оли так больно? Как будто сотни тысяч мельчайших осколков стекла вонзаются в каждый миллиметр ее век, ее зрачков... На что же это так похоже? На волну... На яростную, мощную волну, которая разбивается об умиротворенные скалы, оставляя миллионы следов-капель. Капли раз за разом вонзаются в тело камня с какой-то целью: то ли отразить солнце, впитать его в себя, то ли послушать мудрость спокойствия, равной которой и нет вовсе. Розовые очки — они же всегда стеклами внутрь разбиваются...

— Но почему? — тихо выдохнула Оля. Она всеми силами старалась не заплакать. Он же просил без сцен. Кто она такая, чтобы не исполнить желание этого высшего создания, этого луноликого бога, такого сладкого и ставшего в эту минуту источником такой сильной боли.

— Да надоело как-то, я хочу огня, страсти, сопротивления, а от тебя одно послушание и прогибы, скучно, — ответил Кирилл.

Он хочет огня и страсти. Он не хочет быть с Олей. Как же ей, такой слабой, такой нерешительной, такой второстепенной рядом с этим Аполлоном, подобрать слова, которые убедят его? Что же придумать, чтобы все не закончилось здесь и сейчас? Так, наверное, в Средние века последняя надежда цеплялась за наполовину погасший свет в умах осужденных, коим давалось последнее предсмертное желание. Какие же слова подобрать, чтобы палач не отсек от тебя твой идол созерцания, твою часть, твою половинку, твое сердце?

— Хорошо, желаю тебе счастья, — только и смогла выдавить Оля.

Кирилл посмотрел на нее, тихонько хмыкнул и ушел.

Оля осталась смотреть на пустое место, на котором секунду назад стоял весь смысл ее жизни. Это место притягивало взгляд, оно было магнитом ее сознания. Оля сейчас думала лишь о том, что чувствовать — все равно прекрасно. Конечно, ей станет несказанно больно уже через пару стуков сердца, конечно, следующие дни, а может, даже недели она, разбитая вдребезги, будет только и делать, что рыдать и проклинать себя за желание вернуть его, позвонить, упасть в ноги, молить быть с ней. Но сейчас главное — не истерить. Скорее всего, Кирилл еще не далеко ушел, а послушаться его она ну никак не могла.

Яшка-блогер

— Брат, я тебе точно говорю, тебе надо стать блогером. Сейчас юродивые в тренде!

— Сам ты юродивый, — обиделся Яшка.

Леха тепло улыбнулся:

— Так я ж не в обиду, по-братски. Твой горб один в один наш Эльбрус — такой же раздвоенный. Придумать на этом контент — как два пальца об асфальт.

Яшка саркастически склонил голову:

— Давай-ка допивай и вали к себе на хату.

Ночью Яшке не спалось. А что, если реально начать снимать себя? В каком-нибудь юмористическом стиле. Мол, эльбрусоносец какой-нибудь. Над его горбом издевались на протяжении всего его детства. А тут вдруг такая мысль. Что ж, можно и попробовать...

На следующий день, после института, Яшка установил телефон на кухонном столе и стал снимать ролик. Сюжет он придумал, пока скучал на парах. По сценарию он лежал без верхней одежды на полу и молил Господа убрать ему горб, на что Господь (тот же Яшка, но за кадром) отвечал, что это не горб, а крылья, сложенные до поры до времени на его спине в виде горы Эльбрус. Конечно, Яшка хотел бы, чтобы клип получился смешной, но смешной сюжет почему-то не шел, и он выбрал именно этот.

Загрузив видео в интернет, Яшка ушел спать.

На следующий день под его видео было уже двести просмотров, а через неделю — тринадцать тысяч. Яшка стал-таки блогером. Все его видео крутились вокруг темы о том, что его горб скоро превратится в пару сложенных крыльев, которые он раскроет и наконец полетит в небеса, как ангел. Видео уже набирали миллионы просмотров. Все как будто реально ждали, что Яшка полетит. Началось давление. Началось сумасшествие. Когда просмотры перевалили за десятки миллионов, Яшка не на шутку начал переживать за свою жизнь. Посыпались угрозы. Он должен расправить крылья и полететь. От напряжения у Яшки начались панические атаки. Он потерял сон, перестал снимать видео.

В итоге его забрали в больницу с сотрясением. Яшка зачем-то забрался на стул и спрыгнул с него на сервант. Порезы были не глубокие, но головой он ударился сильно. После восстановления Яшка залез на шкаф и спрыгнул уже с него. Местный психиатр после обследования направил Яшку на лечение.

Лежа в палате, связанный — так как и в палате он прыгал с кровати, — Яшка под действием лекарств заснул. Впервые за долгое время крепко и безмятежно. Ему снился прекрас-

ный сон. Он стоял на высокой скале, вокруг скалы шумел океан, соленая вода била резким запахом ему в нос, а он, улыбаясь, напряг свой горб. От напряжения горб треснул, высвободив два белоснежных крыла. Уже смеясь, Яшка расправил крылья и полетел над морской гладью, любуясь своим, таким прекрасным, отражением. Налюбовавшись, Яшка взмыл ввысь, к солнцу, к наконец-то исполнившейся мечте.

Новый сын господина Густава

Свежий утренний туман накрыл город вязкой пеленой. Ежеминутно туда-сюда проносились пассажирские и грузовые повозки. Кони звонкими копытами отбивали на мостовой заграничную тарантеллу. Первые ремесленные дома открывали свои придомовые лавки. Становилось понятно, что город, потягиваясь и зевая, просыпается.

Среди сотен мастерских, пекарен и солодоварен ютился небольшой сапожничий цех. Владел им не кто иной, как мистер Густав, который по совместительству присяжничал в областном мирском суде. Город знал мистера Густава как очень серьезного человека, не допускающего даже тени улыбки. Как клялся и божился подмастерье сапожника Додо, если бы вдруг господин Густав улыбнулся, то в тот же час небеса бы разверзлись и на славный их городишко полыхнуло бы струей огня ангельского дракона.

Сапожник Карл, как всегда, бранил Додо за эти выдумки и давал нагрузку к работе. Но сегодня, сквозь густой туман, в сапожный цех неслась Белла, тощая служанка господина Густава. Она принесла работникам новость о том, что господин Густав заболел и слег и что ему теперь требуется мальчишка на побегушках, выполнять мелкие поручения, пока у господина Густава не наберется новых сил.

Карл сразу же выступил с кандидатурой Додо. Вот только сам Додо был категорически против, так как страх его перед господином Густавом был превеликим. Но, несмотря на все сопротивление, Белла забрала именно Додо. Так юный подмастерье стал мальчиком на побегушках у господина Густава. Каждое утро он помогал ему одеваться, приносил таз с водой для умывания, обтирал своего хозяина. Доставлял завтрак, приготовленный Беллой, убирал за ним. Но зачастую Додо все делал очень плохо, и господин Густав сильно его бранил. Кроме того, господин Густав бранил и Беллу, что не смогла найти мальчишку порасторопней. Додо часто плакал и по-детски молился, чтобы господин Густав прогнал его назад к Карлу. А ведь Додо делал свою работу из рук вон плохо не потому, что был лентяем и белоручкой, — нет, просто от страха перед хозяином его часто подводили ноги и руки. Тряслись так, что таз с водой либо гольфы господина Густава непременно выпадали у него из рук.

Вечерами Додо со звонкой монетой возвращался домой, садился за стол на кухне и подолгу молчал. Он не понимал, за что Бог его наказывает. А именно наказанием свыше он и считал службу у господина Густава. Мама Додо, Офелия, часто спрашивала у сына, почему тот ходит хмурый и недовольный, но Додо молчал. Ему казалось, что ношу, которую ему назначил Господь, он должен нести сам.

Но однажды ночью Додо приснился необычайный сон. Во сне он решил сходить на речку, наловить рыбки, но по дороге произошло невиданное чудо. Сиреневый куст, который рос у ворот самой большой в городе кузницы, вдруг заговорил с ним.

— Привет, мой маленький агнец, — дружелюбно прошелестел куст.

— Привет, Куст, — вежливо ответил Додо. Он, конечно, страшно удивился, что куст говорит, но не подал виду.

— Я не куст, мой агнец, я твой Бог, который через этот куст решил поговорить с тобой.

— Ты Бог? — Додо округлил глаза.

— Да, агнец мой, Бог. И я сейчас хочу поговорить с тобой о господине Густаве.

Сиреневый куст рассказал Додо, что господин Густав — хороший человек. Что он прошел не одну войну, лишился друзей и знакомых, потерял свою семью перед тем, как приехал в

этот город. Господин Густав не просто так не улыбается. Он дал обет после смерти своего единородного сына, что улыбка больше не коснется его губ до новой встречи с ним.

— Ты зря его боишься, Додо, — продолжала сирень. — Прошу тебя, помогай ему от всего сердца. Ему не так много и осталось по земным меркам. Не омрачай старость человеку своим неуместным страхом. И да, полюби его, и работу свою станешь делать в удовольствие.

Наутро Додо проснулся совсем другим. Весь день, помогая господину Густаву, он не совершил ни одного промаха. Страх стал уходить из сердца маленького Додо. Взамен же страху пришли любовь и старание. Господин Густав стал идти на поправку быстрее благодаря усилиям и заботе Додо.

Однажды утром Додо, как обычно, пришел к господину Густаву. Хозяин сидел в кресле с чашкой кофе и свежей газетой.

Увидев удивление на лице мальчика, господин Густав доброжелательно сказал:

— Благодаря твоим усилиям, Додо, я теперь совершенно здоров. Как я могу отблагодарить тебя?

Додо покраснел:

— Господин Густав, я всю жизнь хотел научиться читать, но у мамы совсем нет денег отдать меня на обучение.

Господин Густав несказанно удивился этой просьбе и пообещал самостоятельно научить мальчика читать. Через два месяца Додо начал читать по слогам, а еще через месяц — бегло и вслух.

Господин Густав взял Додо себе в помощники по делам, и, как однажды рассказывала Белла своей подруге вечером в кабаке, начал снова улыбаться и звал Додо не иначе как своим новым сыном.

Безразличная луна

Оля налила бокал красного вина и села в кресло, которое раньше развернула к окну. Вид за окном был просто чудесный. С тридцать первого этажа, на котором жила Оля, открывался вид на весь город, украшенный ночными огнями. Медленно потягивая вино из красивого бокала, Оля наблюдала за луной, сегодня необычно крупной.

Оле в ее тридцать пять лет хватало всего. Она была талантливым человеком, прекрасным специалистом, хорошей хозяйкой. Но при всем этом Оля оставалась одна, не заведя ни семьи, ни детей, ни даже какого-нибудь питомца, Оля жила, как говорили за спиной ее же знакомые, только для себя. Подруг у Оли тоже не было, да и нужды в них она не испытывала. Содержала себя сама, поздравляла с праздниками тоже. Родители Оли жили в другом городе и всей душой любили свою дочь, но она и в них особо не нуждалась. Изредка, раз в месяц, звонила им, а если они звонили или писали чаще, то просто игнорировала. Замужем не была, хотя отношения заводила, но так давно, что и сама об этом помнила очень смутно. При всем этом Оля была ну очень хороша собой. Высокая, красивая, умная. Могла поговорить как о творчестве Гегеля, так и о веяниях современной, хаотичной донельзя моды. Когда она надевала облегающие платья или мини, мужчины на ее работе поголовно давились слюнями, а женщины изнемогали от зависти. Всех ухажеров Оля теперь отвергала. Нет, она не была больна, она была абсолютно здорова, как физически, так и морально, мало того, она еще и во многом превосходила других. Как известно, человеческая биология устроена так, что после тридцати либидо человека начинает идти на убыль, и поэтому браки, заключенные ближе к сорока, уже не носят биологический характер, а скорее приобретают социальный окрас. Окрас тех, кто первым делом задает вопросы: а когда замуж, а детишек когда, не молодеешь же! Оле это все было чуждо. Она была настолько самодостаточной, что могла и глазом не моргнув послать подальше тех, кто приставал к ней с такого рода вопросами. Оля любила себя. Любила настолько сильно, что могла жить, как ей хочется. Без оглядки на общество. Оля внимательно посмотрела на уже пустой бокал и решила налить еще один. А безразличная луна все росла и росла.

В песочнице

Васютка сидел в песочнице, и счастливей него человека на всем белом свете не было. Неумелыми ручками он лепил стаканчики и звонко смеялся. Сейчас налепит стаканчиков на всех своих друзей, и станет от этого ему еще веселей. Артурчику, толстому кабанчику, он слепит стаканчик побольше. Манюне, нежной девочке, — совсем уж крошечный. А Тимурчику — средний. Но стаканчики лепились плохо, так как песок был слишком сухим. Тогда Васечка решил смочить куличики. Неумело стянув штанишки, он опрыскал своим соком песочек и радостно засмеялся. Видела бы его сейчас мама! Такой он сообразительный стал! Ой, а чего это там Манюня с Артуром шепчутся, так интересно!

А в это время пьяная Манюня говорила нетрезвому Артуру о том, что Васе много наливать не следовало. Что от алкоголя он впадает в полное детство. А Тимур, который был пока что самым трезвым из всех, молча посмеивался и снимал Васю на телефон.

Горсть земли

У Нелли Арсеновны стоял дома, на самом видном месте, красивый бокал, наполовину наполненный горстью земли.

Многие интересовались, почему она хранит эту землю, что она для нее значит, но Нелли Арсеновна лишь отмалчивалась или отвечала, что не хочет об этом говорить ни с кем. Ни ее детям, ни ее внукам не разрешалось трогать этот бокал с землей. В скором времени Нелли Арсеновна, в силу преклонного возраста и левосторонней пневмонии, ушла в мир иной. Стали разгребать ее вещи. Но в память о прекрасной матери и любящей бабушке бокал так и не тронули. В скором времени раскрылась тайна этой самой горсти земли. Среди вещей Нелли Арсеновны нашли выдавшееся виды письмо на армянском языке. Так как семья Нелли Арсеновны уже давно жила в России, по-армянски не умел читать никто. Письмо отправили дяде Геворку, последнему представителю старшего поколения родственников Нелли Арсеновны. Дядя Геворг позвонил старшему сыну Нелли и, чуть ли не плача, передал содержимое письма. Заклучалось оно в следующем.

Когда началась Первая Карабахская война, Нелли Арсеновна бежала со всей семьей в Россию, но вернулась в Армению, чтобы забрать сводную сестру, в то время еще девочку. Отец Нелли погиб чуть ли не в первом же бою, мать Нелли и ее отчим тоже погибли, и Нелли, тогда уже имевшая мужа и двух детей, не могла увезти всех сразу. Пришлось оставить сестру в специальном приюте.

Когда же Нелли вернулась за ней, по пути к самолету на группу беженцев напали азербайджанцы. Нелли выжила, но ее сестру убили. Умирая на руках сводной сестры, маленькая девочка загребла с земли горсть и пересыпала Нелли в руку.

— Пусть земля наша армянская хранит память обо мне, — проговорила она перед последним вздохом.

Письмо Нелли Арсеновна хотела отправить родне, которая осталась в Армении, но по каким-то причинам, видимо, не смогла.

У старшего сына Нелли Арсеновны дома, на самом видном месте, стоят два красивых бокала, наполовину наполненных землей. Один бокал, с армянской землей, хранит память о его маленькой погибшей тете, а второй, с землей русской, с кладбища, хранит память о матери, которая, рискуя собой, привезла их сюда, в землю мира, в Россию.

Комариная свадьба

Кольку Комарова, или Комара, знала вся школа. Да не просто так знала, а как отъявленного хулигана и задиру. Чуть ли не каждый день он приносил домой дышащий на ладан дневник с замечаниями от учителей.

Учился Комар в 7-м «Б» классе, в средней школе № 4 города Москвы. Родители Коли работали на заводе по производству конфет. Папа — заместителем главного кондитера, а мама придумывала названия для новых сортов и давала задания художникам, чтобы те знали, что

необходимо изобразить на обертках. Так, название «Веселый слоник» мама придумала вечером, когда смотрела репортаж из местного зоопарка. Наутро художники уже всю рисовали слона, который улыбался и держал в хоботе конфету.

Сам Комар был невысокого роста, рыжий, как папа, с веснушками. Он всей душой любил своих родителей, но с собой ничего поделаться не мог. Сколько ни плакала мама, сколько ни грозился отец наказать его ремнем, ничего не помогало.

Брат Коли, Петька, или Комар-младший, рос абсолютно другим. Он был на два года младше брата и учился в той же школе. Весь его дневник просто усыпали пятерки. Петю часто ставили в пример Коле, как в школе, так и дома. За это, когда родители и учителя не видели, Комар давал тумаков своему сородичу.

Была у Коли и подруга, Оля Тихая. Оля Тихонова училась с Колей в одном классе и полностью оправдывала свое прозвище. Тише воды и ниже травы девочки в классе не было. Ни один человек в классе, ни один учитель не мог понять, почему подружились эти двое. Можно было бы подумать, что Коля сдружился с ней, чтобы списывать, но Оля и сама не очень хорошо училась. Худенькая, светловолосая, с абсолютно прозрачными бровями, она с самых первых дней знакомства ходила с Колей везде. И если он кого-то бил или задира, то она молча стояла рядом, никоим образом не вмешиваясь в процесс.

Что и говорить, Коля бил всех в своем классе, но Олю опекал и защищал. Причем защита эта распространялась и на старшеклассников. Раз шел он, с синячищем на пол-лица, но гордый, что успел-таки клок волос выдрать у своего заклятого врага, девятиклассника Олежки Богатыря, за то, что тот назвал Олю Мухой-Цокотухой.

Однако не только Олежка, но и многие другие за глаза называли Олю Цокотухой. Ну знамо же: муха, невеста комара. Но такое прозвище можно было смело употреблять, когда Коля далеко либо Оля не слышит. Она же легко могла ему об этом рассказать. В глаза Олю называли Тихой.

Вообще, прозвища были коронной фишкой четвертой школы. Дети обзывали как друг друга, так и учителей. Так, например, самого сердитого в школе учителя географии Федора Константиновича с легкой Колиной руки стали называть Каспием. Прозвище это возникло после того, как Коля зашел в мужской туалет после Федора Константиновича и увидел на полу небольшую лужу. Осталась ли она после Федора Константиновича, или кто-то другой постарался, было неизвестно, но 7-й «Б» класс просто по полу катался, когда кто-то называл географа Каспием. Смеялась даже тихая Оля, правда очень тихо, как умела только она.

Но вот наступили долгожданные летние каникулы, и Колька почти целый день проводил за компьютером или сидел в телефоне. Много его времени занимали игры, но не меньше драгоценных минут лета уходило на переписку с Олей. Она жила через две станции метро от него, поэтому видаться каждый день, когда они не в школе, не получалось.

«Привет, что делаешь?» — бывало, писал он ей вечером, перед сном.

«Лежу, а ты?» — отвечала она.

И эта, казалось бы, незамысловатая переписка затягивалась на несколько часов, пока из-за жалоб Комара-младшего, который спал с братом в одной комнате, не приходил папа. Он тушил свет и забирал телефон. Тогда, вместе со «спокойной ночи, маленький стукач», Петька получал тумака. Но, если быть до конца откровенным, брата своего Колька хоть и бил, но очень слабо, даже не вполсилы. Все же родня, сородич, как звал его Комар.

В летний лагерь Коля не хотел, так как туда не пошла Оля, а вот на предложение родителей съездить на море ответил полным восторгом согласием. Родители решили свозить детей на неделю, но не сейчас, а в середине июля, когда у папы и мамы, с помощью небольших манипуляций, совпал отпуск. Голос Петьки, как младшего в семье, не особо шел в расчет, но все были рады, что и он всей душой хочет на море.

«А я в июле на море поеду, на неделю», — написал тем же вечером Коля своей тихой подруге.

«Классно», — ответила Оля.

«Хочешь со мной?» — Колю озарила интересная мысль.

«А что, можно?» — спросила она.

«Спрошу у своих, попробую убедить».

«Было бы классно, но разрешат ли мои?»

Этой ночью Комар не мог заснуть от приятных мыслей о том, что Оля может поехать с ним на море.

Следующим вечером, за ужином, он как бы случайно завел об этом разговор:

— Пап, мам, а планы поехать на море в силе же, ничего не отменилось?

— Нет, сынок, все в силе, — ответила мама. — А что?

— Нет, ничего, — ответил Коля и продолжил есть суп.

Но ел он его крайне недолго.

— Мам, пап, вы такая красивая пара! — сказал он, пытаясь изобразить восторг.

Родители переглянулись.

— Выкладывай, что тебе надо, — строго спросил отец.

— Нет, ничего, ничего, — слабо улыбнувшись, Комар снова занялся супом.

Его родители не то чтоб были строгими, но он знал, что своим поведением хорошего отношения особо не заслуживает, и поэтому так мялся.

— Небось за Ольку сейчас спросит, — сладко пропел Петька.

— Переписку опять читал?! — сразу же вспыхнул Коля, вставая из-за стола, но его сорочич прекрасно знал, что при родителях брат его не тронет.

— А ну, сядь, — сказал папа. — Что там с Олей?

Коля решил, что время пришло:

— Пап, мам, а можно, чтобы Оля поехала с нами на море?

На удивление, папа улыбнулся:

— Не знаю даже, а ее родители не против?

— А можете спросить их?

— Сейчас позвоню, узнаю, — тут же отозвалась мама, переглянувшись с отцом.

Мама вышла из комнаты, а Коля не понимал, почему это вдруг так легко все выходит.

Мама скоро вернулась с новостью, что родители Оли не против, если, конечно, они берут полную ответственность за нее.

— Мы-то возьмем эту ответственность, но при одном условии, — сказал папа.

Ага, вот оно! Сейчас наверняка будет условие — хорошо учиться, не драться, не быть задирой, подумал Коля.

— Каком условии? — с опаской спросил он.

— Ты начнешь хорошо учиться, перестанешь драться и задира́ть других!

Комар сник. Как же ожидаемо! Но делать-то было нечего.

— Ладно, — согласился он. — Насчет учиться гарантировать не могу, но драться больше не стану, задира́ть людей тоже.

— Обещаешь это? — ласково спросила мама.

— Обещаю, — недовольно ответил он.

Ложась в кровать, Колька дал тумака Петьке, для профилактики, чтобы прекратил читать его сообщения. Тут ему пришло сообщение от Оли:

«Ура! Мои родители не против!»

«Да, мы едем на море вместе, даже не верится». — Комар был абсолютно счастлив.

Дни летели как угорелые, и вот наступил долгожданный момент. Родители Оли привезли ее к назначенному часу. Поговорив с родителями Коли, они уехали, оставив Оле немного денег

на мелкие расходы, хотя папа Комара был против, так как вполне мог обеспечить девочку всем необходимым.

Как же интересно было добираться до моря на папиной машине! По дороге они видели много красивых мест, лакомились в кафе, играли в игры на телефонах. Прибыв на место, они заселились в отель, номер заблаговременно снял Колькин папа. Мама и папа заняли одну комнату, откуда можно было пройти в другую, где уже располагались дети. После небольшого отдыха все вместе пошли на пляж. Увидев море, Коля не смог сдержать смех. Он взял Олю за руку, и они вместе побежали в воду...

Комар в эти дни жил как во сне. Ему казалось, что он спит, а одеялом ему служит чистое счастье. Но, как обычно бывает в такие моменты, суровая жизнь ворвалась в его грезы. Причем ворвалась она довольно резко.

Вечером, когда его семья вернулась в отель, он увидел в холле того самого Олежку Богатыря, старшеклассника из их школы. Как оказалось, его семья приехала в тот же город и в тот же отель.

— Ничего себе, Комар и Тихая тоже тут, — сказал он громко неведомо кому, тоже увидев их.

— Ты знаешь его? — спросил папа.

— Да, это хмырь из нашей школы, — ответил Коля.

— Ты кого хмырем назвал? — ошетинился Богатырь.

— Дети, не ссорьтесь, пойдемте, — поманила своих мама.

— Иди-иди, еще увидимся, — с ухмылкой сказал Олежка.

В номере папа строго наказал Комару, чтобы тот не связывался с Олегом:

— Нам осталось отдыхать два дня всего, ты же не хочешь испортить нам отпуск?

— Не хочу, но пусть и он меня не трогает.

— Коль, ты обещал, — сказала из детской комнаты мама.

— Ладно, — согласился Коля.

Лежа в своей кровати, он услышал тихий голос Оли:

— Коль, ты спишь?

— Нет, Оля.

— Твои родители правы, не связывайся с Олежей.

— Да я и не хотел ни с кем связываться, с чего вы это все взяли?

— Ты же его знаешь, Коль. Он же специально дразниться будет, уверена, даже Цокотухой меня звать станет, только чтоб тебя достать. Не ведись, будь умней. Твои родители меня с вами взяли только потому, что ты обещал им, поэтому не лезь.

— Ну хорошо, — хмуро согласился Коля.

— Спасибо, — улыбнулась ласково Оля.

Коля улыбнулся в ответ. Ладно уж, потерпит он, ради обещания и ради Оли. Может, они за эти два дня и вовсе не увидятся больше, мало ли какой у Олежи график. Но уже на следующее утро его терпение подверглось испытанию. Как оказалось, завтракали обе семьи в одно и то же время, а это значило, что встречи не миновать. Столовая в отеле была маленькая, поэтому сесть подальше бы не вышло, в связи с чем Колька решил, что раз уж не отсесть, то хотя бы сидеть не лицом к лицу.

Сидя спиной и доедая свой завтрак, Комар вдруг услышал слова Олежи, который, как будто специально, начал говорить громче:

— И тогда, мама, прикинь, я ему говорю: да у тебя не невеста, а муха какая-то. Когда свадьба? Позовете на вашу комариную свадьбу?

Богатырь засмеялся. Колька же понимал, что вся эта речь была продумана заранее и что направлена она как раз таки на него и Олю.

«Я обещал родителям, я зарекся Оле», — думал Комар в то время, пока в жилах его вскипала кровь. Не стоит, не надо, а хотя — пропади оно все пропадом!

Колька резко развернулся:

— Что, Олежа, волосы-то отросли, что я выдернул из твоей бестолковой макушки? Небось на солнышке загорел, теперь в твоей белобрысой шевелюре черное пятно!

Теперь настала очередь громко смеяться Коле.

— Ах ты!

Богатырь и Комар резко сорвались со своих мест. Не успел никто и глазом моргнуть, как ребята уже сцепились на полу.

— А ну, успокойтесь, — папа Коли разнял их. — Как вам не стыдно? Коля, ты что мне обещал?

— Да он сам первый начал, — оправдывался Комар.

— Мам, да я его не трогал, ты же слышала, начал меня дразнить, — рассказывал матери Богатырь.

— Назад в комнату, ты наказан! — грозно сказал папа Коле. — Больше никакого моря, накупался уже.

— Но пап...

— Ты слышал папу? — рявкнула мама. — А ну, марш номер и не выходи до нашего возвращения.

Богатырь же в это время строил за спиной родителей дурацкие рожицы, пока не получил от матери, которая увела его неведомо куда.

Папа запер Колю в номере, благо в комнате имелось все необходимое. Вечером с Комаром не разговаривал никто. Испортить отдых, обещать и не держать слово! Да что за человек-то такой, этот Колька! Ночью он слышал, как плачет Оля. Попытался с ней заговорить, но она ему не отвечала, а только тихо плакала и отворачивалась.

Наутро родители, Петька и Олька ушли, снова оставив Комара одного. Он же лег на кровать и стал думать: «Вот почему я такой, а? Почему постоянно всех задираю, почему так люблю бить других? Я же ведь действительно люблю маму и папу, люблю Петьку, да что там уж говорить, люблю Ольку, так что же заставляет меня так себя вести?»

А потом Коле на ум пришли слова Олежи о комариной свадьбе. Ну чего он так рассердился? Это же было бы так здорово, если бы они с Олькой поженились, когда вырастут. А сейчас что? А сейчас Оля на него обижена, ведь так-то, как мужчина, он должен был слово свое держать. И родители ее взяли только из-за его обещания...

Вечером, когда все вернулись, Коля перед всеми искренне покался. А ночью, стоя на коленях у ее кровати, повинулся перед Олей. Она, конечно же, его простила.

После этой поездки на море Комара как будто подменили. Он перестал бить всех, перестал задиравать, изменился в лучшую сторону. Его оценки, хоть и не по всем предметам, но стали лучше. Одно только осталось неизменным — его дружба с Олей. И хоть теперь Богатырь дразнил их еще чаще, им это стало даже нравиться. А буквально вчера Комар-младший наябедничал папе и маме, что Колька и Олька поцеловались за школой.

Киборг

— Можно присесть рядом с вами? А то у меня в семь самолет, а все другие столики заняты.

Анна оторвалась от переписки в своем планшете и взглянула на непрошеного гостя, нарушившего ее горький покой. Перед ней стоял юноша с подносом в руках. Анна вдруг поняла, что одна рука у парня из металла. «Протез», — подумала она.

Ей не очень хотелось делить свой столик с незнакомцем, но Анна все же кивнула в знак согласия.

— Спасибо, — тепло улыбнулся парень и в буквальном смысле плюхнулся рядом с ней.
— А чего вы такая грустная?

Анна уже пожалела, что разрешила ему сесть. Теперь еще и с вопросами приставать будет.

— У меня все хорошо, — резко ответила она.

— Ну я же вижу, вы чем-то расстроены.

— Слушайте, это не ваше дело, ешьте спокойно вашу еду и летите, куда бы вы там ни летели.

— Зря вы так, — с той же улыбкой ответил парень. — Может, я послан небесами, чтобы вам помочь.

— Слышь, отстань, окей?

Анна разозлилась и резко махнула рукой. Планшет упал на кафельный пол.

— Ну вот... — Анна наклонилась за планшетом и вдруг увидела из-под стола ноги парня в шортах. Ноги тоже были металлическими.

Планшет не повредился, но Анну теперь беспокоило другое.

— А как вас зовут? — вдруг спросила она.

— Андрей, но ребята зовут меня Киборг.

— А почему вы весь металлический?

— Да повоевать пришлось, с войны я. Подорвался на mine. Вот приделали эти железяки.

Анна смотрела на него и не могла поверить своим глазам. Андрей рассказывал об этом своем несчастье так легко, будто бы ничего страшного и не случилось. Шорты носил, футболку без рукавов. Он совсем не стеснялся своих механических частей. Не скрывал их. Не отягощали они его. Еще и Киборгом звался.

— А почему вы так легко об этом рассказываете?

— Так ведь все просто. Жив я, понимаете. Жив. А пацаны мои, соратники, мертвы. Рядом со мной сидят в окопе, улыбаются, курят. Миг — и нет их. Лежат мертвые, а улыбка на лице их так и бродит. Точнее, последний ее дух. И сигарета во рту дотлевет. Понимаете же вы меня? Нужно ценить жизнь. Радоваться каждому ее мигу.

Анна горько улыбнулась. Она же абсолютно здоровая, в своей комфортной жизни не видевшая ни войны, ни каких других бедствий. Всегда все в шоколаде. Чего же тогда она такая грустная и разочарованная, а этот парень, этот Киборг, сидит и доволен всем?

— Да, Андрей, вы правы. Вы были посланы мне небесами. Теперь я знаю, что делать. Удачи вам.

— Удачи, незнакомка без имени.

— Да, Анна меня зовут.

— У вас прекрасное имя, Анна.

Анна взяла чемодан и пошла к выходу Б, чтобы позвонить.

Трубку поднял ее жених, с которым они переписывались в планшете до прихода Андрея.

— Аня? Что случилось?

— Леш, я подумала и поняла, что никуда не полечу. Я счастлива только рядом с тобой, поэтому никакая карьера и никакие деньги меня больше не интересуют.

— Аня, Анечка, любимая, я так счастлив! Но что тебя заставило изменить решение?

— Да так, Леш, киборги. Киборги с небес.

Любимый дедушка

Маша сидела с бабушкой на кухне и пила чай в ожидании дедушки. Сегодня ему исполнилось семьдесят шесть лет и Маша специально приехала его поздравить. Она очень любила дедушку, даже больше, чем бабушку. В детстве каждое лето родители привозили ее к дедушке и бабушке. Это было очень светлое время. Здесь она нашла много подружек, которых так же, как и ее, привозили к бабушкам и дедушкам на лето. Дедушка каждый день покупал в небольшом

магазинчике у дома килограммовый пломбир, который вручался единолично Маше. Вишня, черешня, сливы, яблоки, груши, виноград — детский организм Маши не испытывал дефицита витаминов. Но больше всего Маша любила рассказы бабушки о том, как он воевал против фашистов. Герой героем.

— Бабушка, знаешь, я ехала сюда и думала о том, что ни разу не спрашивала у вас с бабушкой, как вы познакомились. Расскажешь?

— Ну, Машенька, ты уже взрослая, поэтому я тебе расскажу, как дело было. Но сразу скажу тебе, что рассказ мой будет не из приятных.

— Не из приятных? — удивилась Маша.

— Да, внученька.

— Рассказывай, бабуль.

— Ну хорошо. Это было в сорок шестом году. Твой дед — герой, вернувшийся с войны победителем. Я — обычная труженица завода. Жила с семьей в общежитии, куда временно заселился твой дед. Квартиру ему скоро выделить должны были, а пока перебивался, ждал. Устроился в милицию, каждый день после смены приходил с друзьями и устраивали шумные посиделки. Меня звали с собой, но я скромница была, тогда и не общалась толком с мужчинами, не то чтобы вступить в отношения или, как сейчас говорят, встречаться. Нетронутая, одним словом. Мне было уже двадцать четыре, и родители все попрекали, что пора бы и замуж. И вот, на свое горе, я рассказала маме, что меня твой дед к себе все зовет, посидеть, пообщаться, повеселиться. Так мама меня подначивать начала: мол, сходи, что с тобой станется, авось понравилась ему, а он-то как-никак герой войны, скоро квартиру получит. А мне, если признаться честно, он вообще не нравился. Но маму я послушаться не могла. Такие времена были. Пыталась робко возражать, но все же согласилась. Ответила деду твоему. И вот я вхожу в комнату его и вижу ребят в форме. Пьянющие. Дедушка же место мне уступает, просит остальных ко мне отнестись с почетом и уважением. Ну и сидим мы, значит, разговариваем, но вижу я, что на алкоголь не только его друзья, но и он налегать стал. Музыку на пластинке поставил. И лезть ко мне начал. Да не один.

— Бабушка... — выдохнула в ужасе Маша.

— Да, Машенька. Снасильничали они меня с друзьями. Рот тряпицей какой-то заткнули и снасильничали. Куда мне, хрупкой, против толпы бравых ребят.

Когда я об этом маме рассказала, так она мне пощечину влепила и сказала, что я сама виновата. В милицию, понятное дело, с этим идти тогда было нельзя. Не те времена. Не как сейчас. Позор был бы большой. Отец пошел к твоему деду и переговорил с ним. Соврали, что я забеременела. Сыграли свадьбу. А затем измена за изменой. Не любил он меня, не любила и я его. Изнасиловал меня тогда и насильничал надо мной всю жизнь. Успокоился, конечно, к старости, но на соседок, престарелый кобель, заглядываться не перестал.

— Бабушка... — заплакала Маша, — бабулечка...

Крепко обняв свою бабушку, Маша обернулась на скрип двери.

В дверях стоял ее любимый дедушка.

— Машка, пришла деда поздравить? А чего ревешь?

— Пошептались о своем, о девичьем, — сказала бабушка, не дав Марии открыть рот. — Мой руки, старый, и садись за стол, сейчас чай поставлю, и Машка тебя поздравлять будет. Своего любимого дедушку.

Парацетамол

— Отстань, у меня голова болит, да и Саша еще не спит, засел в свои танки...

— Ира, да у нас уже второй месяц пошел с последнего раза, имей совесть!

— Ладно, иди, загони Сашку в кровать и принеси мне парацетамол и стакан воды.

— Что, реально болит голова?

— А ты что думал, отмазка?

— Ничего я не думал, я к Саше.

— Давай.

Леша натянул трусы, вышел на балкон покурить. Ира лежала и смотрела в потолок, смешно дергая губами.

— Лех, а Лех, а ты меня все еще любишь?

Леша выкинул окурок в банку из-под томатной пасты, специально установленную на балконе, и вернулся в кровать:

— Люблю, Ир, и всегда буду.

— Так ведь я ж не молода уже, тело старое, детей у нас четверо, а все равно тянет тебя ко мне, да?

— Тянет, Ир, и всегда будет тянуть.

— Это почему, родненький?

— Потому что тебе всегда рядом нужен будет тот, кто будет носить тебе парацетамол, а мне всегда нужна будет та, кому я его носить буду.

Беседы о смысле жизни

— И правда сорок два?

— Ну я бы сказал, что не совсем, возможно, и сорок три, а может, и сорок четыре...

— Может быть, сорок пять?

— Ну да, может, и сорок пять.

— Короче, ты сам не знаешь.

— Не знаю.

Федор сидел на кухне со своим приятелем Валерой и рассуждал о смысле жизни. Часы показывали уже три утра, и, как водится на шаблонных попойках, двое всегда остаются на кухне, занятые заумными речами, коих и не родилось бы, если бы огненная вода пенной волной не билась о берега внутреннего мира набухавшихся философов.

Валерий утверждал, что, согласно книге Дугласа, смысл жизни и есть число сорок два, а Федор очень легко опроверг это — ведь не может же быть весь смысл существования заключен в одно-единственное число. Пусть уж лучше в целую математику тогда. Нет, родиться, мучиться и умереть, и все ради двух цифр, пристроившихся рядом? Нужно что-то посложнее...

— А может, смысл жизни в любви? — вдруг спросил Валера, закусив малосольным огурцом.

— Может, и в любви, всяко лучше, чем сорок два.

— Ну тут я с тобой согласен.

Валера и Федор обернулись. Последнюю фразу произнес некто новоприбывший. На удивление ни Валера, ни Федор его не помнили. Естественно, они сказали ему об этом. На что незнакомец рассмеялся и ответил, что причина расстройства их памяти — алкоголь, что его зовут Егор и что вчера он пришел с Полиной, которая на данный момент без задних ног дрыхнет в соседней комнате. Никакую Полину они тоже не помнили, но действительно решили списать все на алкоголь.

Пригласив Егора за стол, Федор налил ему и своему приятелю по приличной дозе огненной воды. Егор, встав с рюмкой в руке, произнес:

— За смысл жизни, за царичу-любовь.

Выпив за любовь, Федор, его приятель Валера и новоприбывший Егор решили продолжить диспут.

— А может, и не любовь, — возразил Федор, и ему самому показалось, что сказал он это уж больно резко.

— Нет, я вас уверяю, точно любовь, — ответил Егор.

— Откуда знаешь? — спросил Валера.

— Да как тут не знать, — усмехнулся Егор, — особо и альтернатив-то нет.

— Ну чепуху городишь, — ответил Федор, — альтернатив полно, да хотя бы то же число сорок два. Такая себе, конечно, но все же альтернатива.

— А я вам так скажу, мужики, — улыбнулся Егор. — Аксиому одну знаю, и гласит она, что любовь, дескать, и есть смысл жизни.

— Нет такой аксиомы! — в два голоса ответили собутыльники.

— А вот и есть, — продолжал улыбаться Егор, — просто вы эту аксиому забыли, потому что набухались как черти.

— Слышь, Валера, а может, и правда есть такая аксиома? — засомневался Федор.

— Может, и есть, — пробормотал уже почти заснувший за столом Валера.

Наутро Федор встал раньше своего приятеля, но Егора не обнаружил. После всеобщего пробуждения было подтверждено, что никакого Егора и никакой Полинки вчера на их празднике алкоголя не было.

— Видимо, белочка, — захихикал Федор.

— Видимо, она, — подтвердил Валера. — Вот только бывают ли белочки группового характера, такая, чтоб одна на двоих?

— А черт его знает, Валер, черт его знает. Но вот что аксиома о любви бывает — это факт, точнейший научный факт.

— Факт, — кивнул Валера.

Сомнамбула

Петр Иванович выглянул из окна личного автомобиля и приказал водителю ехать помедленней. Хотя взгляд его был устремлен на высотки, которые он проезжал каждый день, мысли его витали далеко отсюда...

Петр Иванович вспоминал детство в деревне, когда еще у него не было всех этих особняков и машин. Жил он тогда с родителями, которые еле-еле сводили концы с концами. Отец работал на стройке и часто пил, а мать чистила утки в местной больничке. Но, несмотря на крайнюю бедность, родители любили Петеньку, холили и лелеяли как могли. Любили Петрушу и бабушка с дедушкой, которые жили через две улицы от них.

Но когда Петенька пошел в школу, то понял, что есть на свете люди, которые над ним и насмехаться могут. И вроде бы и не косой он был, и вроде бы и не кривой, но его одноклассники углядели-таки некую причину для насмешек — его необычную фамилию. Сомнамбула. Сам Петенька всегда гордился своей фамилией, хотя и не знал, что она что-то значит, а спросить кого-то — ума не хватало. Теперь же, когда он узнал, что его фамилия — это обозначение человека, который ходит во сне, причина для гордости резко пропала. «Лунатик, лунатик!» — слышал он от своих одноклассников. Ни ругаться, ни драться не помогало — они почему-то от этого потешались над ним еще сильнее. И Петенька решил смириться...

«Никита, в булочную на пару минут заедем», — сказал командирским голосом Петр Иванович водителю и насупился. Он всегда делал недовольное лицо, когда отдавал приказы или разговаривал с подчиненными, а когда кому-то выговаривал или ругался, то делал лицо страшное, злое...

В институте Петр завел много друзей, нашел пару — свою будущую жену Наталью, но и тут за ним закрепилось его школьное прозвище Лунатик. Конечно, сейчас это говорилось не чтобы задеть, а по-дружески, но все равно напоминало Пете о том, как над ним издевались.

Машина свернула влево, подъезжая к зданию администрации города.

Петр Иванович был заместителем мэра крупного города, что очень ему льстило. Поправив депутатский значок, Сомнамбула вышел из машины, дверь которой по обыкновению придерживал водитель Никита...

Когда пришли лихие девяностые, Петр работал на стройке вместе с отцом. Он имел отменное здоровье и крепкое телосложение, что очень способствовало перетаскиванию тяжестей. Тогда-то он и познакомился с Андреем, милиционером из второго участка. Андрей рас-

сказал ему, что сейчас есть вариант неплохо заработать и ему нужны такие сильные парни, как Петр.

Петр согласился, хотя еще и не знал, на что.

В стройбригаде его называли «Лунатик-младший», так как должность «старшего Лунатика» занимал отец. В новой же «бригаде» за ним закрепилось прозвище Сомнамбула. Почему? Да потому что это было длинное пугающее слово, которое идеально подходило под новый вид деятельности — ночные грабежи.

В скором времени в кармане Петра стали появляться крупные деньги. Андрей посоветовал ему эти деньги пустить в какой-нибудь стоящий бизнес. Так как в бизнесе Петя разбирался плохо, то он вложил деньги именно туда, куда указал Андрей — в покупку и продажу оружия...

Войдя в здание администрации, Петр Иванович увидел Андрея Федоровича. Приторно улыбаясь, Петр Иванович подошел и пожал ему руку:

— Здравствуйте, Андрей Федорович! Как ваше здоровье?

— Ну будет тебе, Петя, сколько лет друг друга знаем, а ты каждый раз ко мне на «вы». Как-то негоже. — Андрей Федорович понизил голос и приблизился к уху Петра Ивановича. — Вместе же промышляли гоп-стопом, а теперь как будто не свой...

— Ну что вы, Андрей Федорович, свой, конечно же, свой! Но вы — мэр и мой непосредственный начальник, как же я, простой смертный, да на «ты» с вами!

— Да, Петруша, смотрю, привычка пресмыкаться перед сильными мира сего настолько к тебе прилипла, что и щипцами не отодрать... Ладно, мне пора, выдыхай!

Петр Иванович сам того не заметил, как согнулся пополам перед Андреем Федоровичем.

«Надо же, — подумал он, выпрямляя спину. — Только его увидел, и меня понесло. Это же Андрей, всего лишь бывший продажный мент, чего это я? Как во сне! И так каждый раз!»

Петр Иванович хмурился всю дорогу, пока шел до лифта, поднимался на свой этаж, шагал к кабинету...

От мыслей его оторвала его секретарша Мария:

— Петр Иванович, доброе утро! У вас посетитель!

— Кто? — насупившись, спросил Петр Иванович.

— Какой-то мужчина, попросил представить его как Вадика. Он ждет вас.

Петр Иванович снова начал приторно улыбаться и направился к кабинету.

За его столом сидел мужчина средних лет, тощий и невзрачный. В одной руке он держал бокал с виски, в другой — откупоренную бутылку из личных запасов Петра Ивановича.

— Здравова, Лунатик! — с издевательской улыбкой проронил Вадик.

— Здравствуйте, Вадим Александрович, — согнувшись, ответил Петр Иванович.

— Опять ты начал! — возмутился Вадик, но секунду спустя улыбнулся. — Ты чего такой странный? А? Что ты лебезишь каждый раз, как меня видишь? Первый день знакомы? А? Смотреть противно!..

Да, Вадика Петр Иванович знал давно. Со времен торговли оружием...

Вадик тогда был одним из членов «крыши» города. Узнав о том, что в бизнесе появилось новое лицо в виде Пети, Вадик пришел к нему и объяснил, что нужно делиться. Петр, как честный труженик криминальной нивы, спорить не стал, за что Вадик пообещал его рекомендовать нужным людям...

Дела Петра шли все лучше. При этом он стал замечать две вещи: во-первых, чем больше он делился с Вадиком, тем лучше у него шли дела, а во-вторых — ему все чаще хотелось услужить всем, кто хоть как-то мог повлиять на его дальнейшую судьбу. И если мысли о Вадике были абсолютно логичны, то желание всем услужить никак не вязалось с природой Петра. Каждый раз, когда он видел человека, хоть сколько-нибудь наделенного властью, он терял себя, его как будто подменяли. И вот перед нами не Петр, а самый что ни на есть настоящий сомнамбула, который, как во сне, «мажется» перед господами. Вспоминая детство, Петр думал о

том, что и его отец таким был. Стоило ему завидеть бригадира или начальника участка, как он наваливал на свою слабую спину три мешка цемента, а после неделю не мог встать с кровати! Но отец отцом, а Вадик и сегодня был крупной фигурой на поле, благо хватило мозгов сменить род деятельности и открыть сеть фирменных супермаркетов, после чего стать тем, кто начал продвигать Петра в депутаты, прекрасно понимая, что от этого его доля в бизнесе будет только расти.

— Слушай сюда, Лунатик, — продолжал Вадик. — Ты мне это, лимонов десять займи, очень надо.

— Конечно, Вадим Александрович, конечно.

— Завтра за ними зайду, — попрощался Вадик, допив виски и прихватив с собой бутылку.

Как только Вадик вышел за дверь, Петра Ивановича сразу же отпустило.

«Да что же это такое? Нет у меня сейчас таких денег! Вот откуда я их ему отдам? Почему я согласился?»

Голова Петра Ивановича пошла кругом: «Ну что со мной не так? Почему я так „мажусь“ перед начальством и власть имущими?»

Но сейчас Петра Ивановича больше волновал другой вопрос: где до завтра взять десять миллионов рублей для Вадика. Тут позвонить, сказать, что нет денег, что не нашел, не выйдет. Вадик хоть и не бандит уже, но такого не потерпит, не простит. Он-то, может, уже и не бандит, а вот дружки его...

Что делать? И вообще, знал Вадик о его слабости, как пить дать знал, за тем и пришел!

Петр Иванович сел за стол и нажал кнопку связи:

— Маша, сюда, быстро!

Мария вбежала в кабинет:

— Да, Петр Иванович?

— Ни с кем меня не связывать, меня сегодня ни для кого нет! Поняла?

— А если Андрей Федорович спросит?

Кислая мина на лице Петра Ивановича сменилась на приторную улыбочку:

— Его, Машенька, пускай, да не просто так, а с почестями! Если придет, ты ему кофе сразу, чаю сладкого, а может, и чего покрепче...

Петр Иванович вдруг резко сжал губы и насупил:

— А ну, вон отсюда!

И Мария, привыкшая к такому обращению, быстренько ретировалась.

«Нет, все же десять миллионов не проблема. Я их таки найду. Да хоть из-под земли достану! Просто, если я ему сейчас их отдам, он же не отстанет больше. Послезавтра придет за двадцатью. Ну почему я согласился? Я же впадаю в ступор, когда их вижу, этих, наделенных властью. Может, я болен? А может, это проклятье? Сколько я людей обманул, может, кто среди них и проклял. Нужно проверить...»

Снова кнопка связи:

— Мария!

Мария даже споткнулась и упала, так спешила в кабинет:

— Да, Петр Иванович!

— Растяпа! А ну, поднимайся и найди мне лучшую в городе колдунью, и чтоб в течение часа она была здесь!

— Кого, Петр Иванович?

— Ты что, слух потеряла, когда упала? Колдунью! Быстро!

Когда Мария вышла из кабинета, Петр Иванович повернулся к зеркалу, посмотрел себе в глаза, плюнул и выдохнул: «Сомнамбула ты!»

Через час в кабинете Петра Ивановича сидела престарелая женщина, укутанная в шали. Она представилась Прасковьей и внимательно выслушала проблему Петра Ивановича.

— Поворожить мне нужно, Петр Иванович, — хриплым голосом сказала Прасковья.

— Ну так ворожи, карга старая, ворожи!

Прасковья достала из своей сумки четыре черные свечи и расставила по углам кабинета. На Петра Ивановича она надела медальон с изображением крупной змеи. Подпалив свечи, знахарка начала читать что-то вроде молитвы. Читала долго, исподлобья глядя на Сомнамбулу.

Наконец она сказала:

— Вы, Петр Иванович, прокляты!

— Кем? — насупившись, сказал он.

— Неким Климентием из восемнадцатого века.

— Ты поехала, что ли, карга старая, какой Климентий, какой восемнадцатый век? — передразнил ее Петр Иванович.

— Да, восемнадцатый, — продолжала настаивать Прасковья. — Ваш прапрадед, первый Сомнамбула, был в точности как вы — крестьян своих клял на чем свет стоит, а перед теми, кто чином постарше, лебезил! И вот этот Климентий в сердцах проклял хозяина: мол, чтоб тебе, нерадивому, свойство это поперек горла стало! С тех пор весь ваш род проклят! А все потому, что бабка этого Климента из наших была, из ворожей, и внуку свой дар передала!

Петр Иванович, ошарашенный, спросил:

— И что же мне теперь делать? Как проклятье снять?

— А проклятье твое снимается очень даже легко: начни с простым человеком говорить нормально, культурно, с уважением, и вмиг расколдуешься!

— Э... Все ясно, вали, карга... точнее, старуха, в смысле, старушка, да, уходи, старушка, Маша тебе денег пусть даст — скажи, я велел.

И жутко скривившись, Петр Иванович еле слышно выдал из себя: «Спасибо...»

Когда колдунья вышла из кабинета, Петр Иванович задумался, что все-таки стоит попробовать то, что она посоветовала, ведь, если быть честным перед самим собой, с простым человеком он обращался уж очень грубо. «А что, если сомнамбулизм сыночку Коленке моему передастся? Будь же проклят этот Климентий! Хотя если это поможет мне отвязаться от Вадика, то почему бы и нет?»

Кнопка связи:

— Маша, зайди ко мне, пожалуйста.

Последнее слово Петр Иванович из себя выдал с такой невероятной силой, что аж покраснел весь.

В кабинет вбежала Мария с округленными от удивления глазами:

— Да, Петр Иванович?

— Маша, принеси мне, пожалуйста, чашку кофе без сахара.

«Эх, знала бы эта челядь, сколько трудов уходит, чтобы говорить с ней нормально!»

Глаза Марии округлились еще сильнее:

— С вами все в порядке, Петр Иванович?

— Да, Маша, спасибо. Кофе, пожалуйста.

Мария, как вобла, пару раз открыла и закрыла рот, поворачивала выпученными глазами и побежала варить кофе.

«Как же тяжело так разговаривать! А вдруг старуха напридумывала это все? Ладно, хуже не будет, попробую-таки, а вдруг реально поможет...»

В кабинет вошла Мария с кофе.

Петр Иванович перекопился:

— Спасибо, вы свободны.

Мария же посмотрела на него, как на умалишенного, и вдруг ни с того ни с сего плеснула горячий кофе ему на рубашку.

— Ты чего, ополоумела? Что ты делаешь? Крыша едет, дура? — Петр Иванович стоял, весь облитый кофе, и смотрел на Марию, готовый на нее кинуться.

— Простите, Петр Иванович! — с визгом прокричала Мария и кинулась вытирать его рубашку. — Я сама не знаю, что на меня нашло, но вы вдруг стали таким вежливым, а я... я просто растерялась!

Мария села на стул перед столом Петра Ивановича и разрыдалась.

Петр Иванович подумал, что у него сегодня не самый лучший день, достал из бара бутылку водки, налил Марии стопку, приказал выпить и отпустил домой. Мария уходить не хотела — она испугалась, что ее уволят, но Петр Иванович заверил, что ничего такого у него на уме и не было.

Когда Мария ушла, Петр Иванович достал из шкафа новую рубашку, переоделся и стал думать о том, что такая резкая смена в его стиле общения может вызвать проблемы посерьезней, чем вылитый на него кофе. Конечно, можно было ко всему этому подойти плавно, но завтра придет Вадик, так что времени у него в обрез.

В администрации работал стажер Антон, который на данный момент был занят версткой бесплатной газетки с натужными цифрами, которую они выпускали для населения. Петру Ивановичу в голову пришла мысль о том, что с Антоном он часто не общался, поэтому можно попробовать сказать ему что-то приятное, как бы между прочим, расспросив предварительно о его работе.

Антон вошел в кабинет Петра Ивановича, и тот с неприятным чувством заметил страх в его глазах.

— Здравствуй, Антон, как работа продвигается?

Антон шумно сглотнул и, заикаясь, начал:

— Здравствуйте, Петр Иванович, все нормально, работаем потихоньку.

— Молодец! — с отеческой, как ему показалось, улыбкой похвалил Петр Иванович. — Покажешь мне последний выпуск?

— Эм... Хорошо, — с нарастающей дрожью в голосе и страхом в глазах ответил Антон. — Сейчас принесу.

Когда он вышел из кабинета, у Петра Ивановича возникла мысль, что тут что-то нечисто. И верно: по истечении часа Антон так и не вернулся. Когда Петр Иванович позвонил на производство и спросил Антона, ему ответили, что тому стало плохо и его отпустили домой.

«Что за чертовщина? Почему я не могу найти никого, с кем я буду любезен? А, есть же еще Никита!»

Петр Иванович набрал водителя:

— Никита, ты рядом? Можешь подняться ко мне?

— Сейчас, Петр Иванович, бегу!

Пять минут спустя Никита, тяжело дыша, стоял перед ним.

— Здравствуй еще раз, Никита, где катался? — Петр Иванович говорил очень дружелюбно, хотя для этого ему приходилось прикладывать максимум усилий.

— Нигде, Петр Иванович, вы же запретили. Припарковался внизу и ждал ваших распоряжений.

— Хорошо, молодец, Никитка! — Петр Иванович встал и приобнял водителя. — Ты хорошо знаешь свое дело, давай я тебе премию выпишу?

Никита обомлел. За десять лет службы ни единого лишнего рубля, а тут целая премия!

— Как вам будет угодно, Петр Иванович.

— А дети у тебя есть?

— Да, Петр Иванович, дочка маленькая.

Петр Иванович порылся в своих карманах и достал золотую цепочку, которую вчера купил для своей жены Натальи, и протянул ее Никите:

— На, это подарок твоей дочурке. Ты, Никита, хороший человек и водитель прекрасный!

Никита с подозрением воззрился на своего начальника. От Петра Ивановича это не ускользнуло:

— Ты, Никит, явно думаешь: а чего это мой босс резко стал таким добрым, да?

— Эм... Если честно, то да, Петр Иванович.

— Садись, Никита, я тебе все сейчас расскажу...

Целый час Петр Иванович рассказывал о том, что он вдруг осознал, что ведет себя нетактично по отношению к своим работникам и что это нужно изменить. Внутри же Петру Ивановичу, не привыкшему к такому обращению с людьми, было настолько плохо, что он достал бутылочку водки, которой до этого поил Марию, и выпил с водителем по стопке. После чего отпустил абсолютно счастливого Никиту домой.

«Ну вот, вроде сделал все, что было необходимо. Спало ли проклятье? Нужно проверить! Позвоню-ка я нашему мэру».

— Алло, Андрей Федорович?

— Да, Петя?

Услышав эти два слова, Петр Иванович расплылся в приторной улыбке и сладко произнес:

— Хотел вас просто услышать, не нужно ли вам чего?

— Нет, Петь, не нужно, давай. — Андрей Федорович явно был недоволен.

Положив трубку, Петр Иванович пришел в себя...

«Черт! Обманула старуха! Теперь от Вадика не отделаться! Ладно, поеду домой, все равно сегодня день не задался!»

По дороге к автомобилю Петр Иванович снова чертыхнулся. Отпустить водителя в надежде на спасение от проклятья! Ну и чушь! По дороге домой Петр Иванович попал в пробку. Причиной была авария, в которой участвовало два автомобиля. Одного из водителей он узнал...

Ба! Да это Игорь Николаевич, из отдела сельского хозяйства. Только сейчас он был весь в крови и с ним работали врачи скорой помощи. Буквально вчера он заходил к Петру Ивановичу, чтобы узнать, куда делись деньги, выделенные краевыми властями на покупку культиваторов. Петр Иванович его жутко обхаял и ответил, что таким честным людям не стоит соваться в политику.

Сейчас, глядя на сцену аварии, Петр Иванович не мог не поймать себя на мысли о том, что он даже рад, что такой дотошный святоша какое-то время не будет ему мешать, а может, и вовсе не будет уже никогда больше. Но тут взгляд Петра Ивановича упал на маленького мальчика, который стоял у полицейского автомобиля. Мальчик плакал и звал папу, а какой-то дэпээсник держал его за руку. Этот мальчик был настолько похож на его Коленьку, что у Петра Ивановича перехватило дух. Ни секунды не размышляя, он выскочил из автомобиля и помчался к ребенку. Значок депутата помог ему быстро отделаться от дэпээсника, и он встал на колени перед мальчиком:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.